

Новая Польша 6/2015

0: ПОМНИТЕ!

Председатель украинского парламента Владимир Гройсман накануне визита в Варшаву опубликовал в «Газете выборчей» (28 апреля) статью о необходимости польско-украинского союза перед лицом угрозы со стороны великорусского империализма.

Он представил картину польско-украинских отношений в XX веке, в которой на первый план вынес сотрудничество между II Речью Посполитой и Украинской Народной Республикой Симона Петлюры, а также совместный триумф польской и украинской армий в «Чуде на Висле».

Если такие люди, как Ежи Гедройц или Юлиуш Мерошевский, наблюдают откуда-то за нашими здешними делами, то наверняка улыбаются. В течение нескольких десятилетий круг парижской «Культуры» стремился осуществить именно такую переоценку ценностей в польско-украинских отношениях, выдвигая на первый план то, что объединяет.

Политика Третьей Речи Посполитой доказала, что в Польше эти усилия принесли плоды и привели к формированию политических элит, не отягощенных балластом прошлого. Статья Владимира Гройсмана демонстрирует, что аналогичная эволюция взглядов начинается также на Украине.

Это уже половина успеха. Но лишь половина. Ибо недостаточно показать только светлые страницы в истории польско-украинских отношений. Надо каким-то образом осмыслить темные страницы, что в Польше делали многие общественные группы, во главе с упомянутой выше «Культурой».

Это задача на годы, даже для нескольких поколений, и нам в Польше еще далеко до завершения этого процесса. Но все же первые шаги сделаны. Мы не отвернулись от болезненной правды об операции «Висла» — и решением Сената осудили действия наших предков. Мы также признали вину за, как минимум, некоторые действия поляков по отношению к другим народам: отважились на акт покаяния за Едвабне, попробовали отыскать и покарать виновных в погроме в Кельце, устами наших епископов попросили прощения перед изгнанными немцами.

Текст В. Гройсмана показывает, что украинцам все это еще предстоит. Автор, политик молодого поколения (р. 1978), допускает, что отдельные солдаты УПА могли осуществить деяния, «имеющие признаки преступлений в отношении мирного населения». Однако останавливается за шаг до констатации того, что убийства мирного польского населения в 1943 г. являлись не случайными спонтанными инцидентами, а спланированной операцией, приказ о которой пришел сверху (подобно тому, как, безусловно, организованный характер носили ответные акции, осуществленные в меньшем масштабе польской стороной в украинских деревнях).

Мы, поляки, по собственной инициативе предприняли усилие перечитать мрачные страницы нашей истории. Мы сделали это во имя себя, а не для других. Чтобы, стоя перед зеркалом, не опускать очи долу. И я думаю, что если бы другие — немцы, евреи, украинцы — оказывали здесь на нас давление, то это бы дало обратный эффект.

Поэтому и мы не должны сегодня слишком уж нажимать на украинцев, понимая, сколь серьезный вызов стоит перед ними в деле расчета за грехи прошлого. И уж, конечно, от этого не должно зависеть наше сотрудничество и политическая поддержка украинского государства, борющегося с российской агрессией.

Давайте же болеть за украинцев, искренне желая им успеха в трудной встрече с правдой. Пусть у них получится. В конце концов, они делают это ради себя, а не для нас.

1: СОЛЖЕНИЦЫН

Каждый, кто хоть в самых благородных целях предал свой разум, не присовокупив к нему всего себя — тем самым предает и правду, потому что правда — это не только знание, но жизнь сама.

Пресс-конференция в Цюрихе у Солженицына. Гедройц и я среди человек 30-и приглашенных журналистов мирового уровня. Резкий свет телевизионных ламп, бьющий хозяина по глазам, магнитофоны журналистов, переводчицы, которые вполголоса будут переводить слова Солженицына.

Первое впечатление — огромная, мощная фигура Солженицына. Насколько же моложе он выглядит, чем на всем известных фотокарточках; он стоит, опершись о высокую, ошетилившуюся микрофонами кафедру и медленно говорит четыре часа кряду (под рукой у него несколько исписанных страниц) громким, ни на минуту не ослабевающим голосом. Столпившиеся, опутанные телевизионными кабелями журналисты среди ослепляющих ламп — все это в двух небольших комнатах. Мы сидим увлеченные содержанием и уровнем этой речи, но еще больше — самой позицией оратора, бьющей от него двусмысленной, но не притворной силой убеждения.

Почему этот цюрихский вечер я считаю одним из самых значительных впечатлений моей жизни? Я не ищу и, честно говоря, не переносу шумных сборищ, которые так же легко могут заразить слушателя стадным восторгом, как и развеять и угасить то, что существенно. После прочтения его книг — от «Одного дня Ивана Денисовича», от «Ракового корпуса» и «В круге первом» до «Архипелага Гулаг» — у меня не было потребности видеть автора, чтобы понять, кто он такой, и от всего сердца отдать ему должное, но эта встреча, эта возможность посмотреть друг другу в глаза добавила тот единственный в своем роде человеческий акцент, который ничто не заменит.

Солженицын, до этого так избегающий толпы напирających на него журналистов и репортеров, собрал нас всех, чтобы сообщить, что днем раньше (14 ноября) в Москве состоялась параллельная пресс-конференция, которую провели его друзья в связи с выходом в свет в той же Москве новой, тайной самиздатовской публикации — сборника эссе, «какого у нас в России не было за последние 50 лет». Из этих эссе три написал он сам, остальные — его ближайшие соратники: мировой славы математик Шафаревич, историк Борисов, кибернетик Агурский, Баранов, Гордонов и еще двое, чьих фамилий он предпочел не называть. Эта книга, готовившаяся в течение шести лет, касается наиболее насущных проблем настоящего — это своеобразный символ веры определенной части угнетаемой российской интеллигенции. Озаглавлена она «Из под глыб».

О книге он рассказывал не только как человек, который должен передать информацию, но всем своим существом — страстно и искренне.

«Вы не знаете, вы представить себе не можете, как разбредаются мысли, когда нет возможности диалога, когда нельзя вместе подумать, высказаться».

Вся его речь подчеркивала связь писателя со своими друзьями, которые там, в России, выдали эту книгу, имеющую для него исключительное значение. Во имя этого в России все ее авторы и издатели рискуют быть арестованными и сосланными, понимая, что им грозит.

Большая часть доклада Солженицына была посвящена содержанию отдельных эссе и оценке людей, принимавших участие в этой совместной работе. Книга вскоре должна выйти на русском языке в издательстве «YMCA Press» в Париже и во французском переводе в издательстве «Seuil».

Я не буду здесь кратко передавать содержание этого огромного доклада, хочу, однако, представить несколько основных направлений сборника, сохранив ту структуру и иерархию важности отдельных вопросов, которую предложил докладчик. Основной упор был сделан прежде всего на христианскую, религиозную в самом широком понимании этого слова сторону вопроса, на религию как источник силы, готовность полностью посвятить себя делу, готовность к лишениям, жертвам, включая смерть. Эти великие слова, звучащие так часто и уже истершиеся от повторений, в его устах прозвучали так, словно были произнесены впервые, со всей силой полного переживания.

По мнению Солженицына, именно это религиозное течение, которое с новой силой только пробуждается в России, во всем мире ослабло, исчезло в современных цивилизациях, отсюда их хрупкость и бессилие.

Говоря о советском строе, Солженицын добавляет, что не хочет заниматься политикой, не призывает к еще одной революции, потому что верит, что правда может быть грознее пулеметов, достаточно чтобы ни один из подчиненных советской власти граждан не врал, не выражал своей солидарности с ней ни поклоном, ни даже улыбкой, чтобы эта власть обратилась в прах. Он с грустью добавил, что эту его мысль, столько раз озвученную, написанную, западные журналисты даже не заметили.

Слушая эти слова веры и готовности к огромным жертвам во имя великого общего дела, я не мог не вспомнить о другом известном каждому поляку тексте.

«Каждый из вас в душе носит зерно будущих законов и меру будущих границ. И если расширить и улучшить души ваши...»